

данной редакцией п. 1 ст. 939 ГК либо исключены. Измененная редакция указанной статьи не дает права расширить перечень оснований, в том числе и УПК.

Таким образом, исходя даже из рассматриваемых проблем можно сделать вывод, что нормативно-правовая база возмещения вреда государством, в том числе причиненного реабилитированным, требует совершенствования. Этот процесс сложный, но необходимый. Думается, что новая редакция ст. 939 ГК будет способствовать реализации права на восстановление граждан, признанных в установленном порядке невиновными, в прежнем статусе, возмещению причиненного им вреда.

Библиографические ссылки

1. Всеобщая декларация прав человека // Нар. газ. 1998. № 249.
2. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. Минск : Амалфея, 2001.
3. Данилевич, А.А. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс / А.А. Данилевич, О.В. Петрова // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2005. Вып. 16.
4. Данько, И. Основания возникновения права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс / И. Данько, Ю. Юбко // Юстиция Беларуси. 2004. № 7.
5. О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2000 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 100. 6/258.
6. О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 160-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 122. 2/1257.
7. О защите прав человека и основных свобод : Конвенция // Вестн. Конституц. суда Респ. Беларусь. 1997. № 1.

*Ю.С. Климович, адъюнкт НПФ Академии
МВД Республики Беларусь*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБВИНЕНИЯ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Рассматривается история становления института обвинения в уголовном процессе на территории Республики Беларусь. Ретроспективному анализу подвергнута деятельность органов уголовного преследования и суда с момента появления первых государственных образований, исследованы источники права, в той или иной мере регулировавшие уголовно-процессуальные отношения (Статут ВКЛ, Устав благочиния или полицейский, Устав уголовного судопроизводства, декреты «О суде», УПК БССР, УПК Республики Беларусь). Обвинение как направление деятельности изучено в связи с различными формами процесса, проанализировано формальное закрепление данной категории в нормативных актах. На историческом опыте вскрыты недостатки обвинительной деятельности, определены тенденции и перспективы ее осуществления в современном уголовном процессе с точки зрения построения современного демократического государства.

Совершенствование и реформа законодательства невозможны без сравнительно-исторического анализа, обращения к опыту прошлого, что позволит определить тенденции и направления дальнейшего развития науки уголовного процесса с учетом национальных правовых традиций, социальных и культурных условий. Данной проблематикой в разные годы занимались представители советской, а затем и российской правовой науки (М.С. Строгович, М.А. Чельцов-Бебутов, Ф.Н. Фаткуллин, Н.Н. Полянский, К.Ф. Гуценко). Автор данной статьи сделал попытку исследования института обвинения с учетом анализа нормативных актов, действовавших на территории современной Беларуси, в том числе во время вхождения ее в состав других государств.

Основу уголовного процесса составляет деятельность, связанная с борьбой против лиц, совершивших преступления, и защитой потерпевших от преступления [1, с. 8]. Обвинение является одной из основных составляющих этого противоборства, и возможность подвергнуть изучению институт обвинения возникает с момента появления государства и его судебных органов.

Процесс становления государственности на территории современной Беларуси происходил в IX–XIII вв., когда стали появляться первые феодальные княжества. С появлением таких кодифицированных источников права, как Судебник Казимира 1468 г., а затем трех Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., формируются две судебные системы:

1) общие суды для всего населения, которые в своей деятельности руководствовались обычаями, сложившимися на территории их деятельности;

2) сословные суды для дворянства, духовенства и отдельных групп населения, которые были отделены от администрации и в значительной мере ограничивали судебные функции органов государственного управления.

Для сословных судов была характерна состязательная форма процесса, формальное равенство сторон, преимущество частных начал, когда производство в суде начиналось по жалобе (иску) заинтересованной стороны – потерпевшего или его родственников. Потерпевший таким образом являлся обвинителем и обязан был сам собирать и представлять в суд доказательства, поддерживать обвинение в суде. «Калі б каму які гвалт, як вышэй апісана, ад каго ўчынены быў і пры гвалце тым забіты быў, тады адразу ж пасля нападу бок, тым пакрыўджаны, аб гвалце і забітым павінен аб'явіць і прад'явіць навакольным суседзям сваім, а пры адсутнасці іх таксама ўраднікам іх, шляхце, людзям добрапрыстойным, а пры недахопе шляхты таксама і навакольным суседзям, хаця і не шляхце, але людзям добрым, веры годным, павінен аб'явіць, а потым скардзіца ва ўрад суда нашага замкавага таго павета, у якім гэта адбылося, і вознага ўзяць і таксама прад'явіць знакі гвалту і забітага» [12, с. 158]. В случае, когда предъявленное обвинение не находило своего подтверждения, обвинитель мог сам быть подвергнут наказанию судом. На любой стадии процесса он мог отказаться от обвинения, заключить мировое соглашение или помиловать обвиняемого. Публичные начала обвинения и элементы розыскного процесса были представлены обязанностью государственных должностных лиц принимать меры для розыска и изобличения преступников независимо от наличия жалоб потерпевших и их родственников за наиболее тяжкие преступления: государственная измена, убийство, поджог [3, с. 121]. Представителем князя и государственным обвинителем являлся инстигатор, а лицо, производящее следствие, называлось шкуратором. Эти действия производились поветовыми старостами или заместителями с участием возных и понятых из числа местной шляхты. Общим судам было присуще сочетание в своей деятельности функции обвинения и разрешения дела, что характерно для розыскной формы процесса.

С распадом в конце XVIII в. Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи, ознаменовав новый этап в развитии национальной правовой системы. Понятия «обвинение» и «обвиняемый» в законодательстве отсутствовали, вместо этого по некоторым категориям дел, как рудимент частно-исковой модели процесса, употреблялись категории «иска» и «ответчика». Направления деятельности органов суда и уголовного преследования тесно переплетались, вследствие чего четкое разделение функций расследования, обвинения и разрешения дела отсутствовало. Так, полиция совмещала в себе функции, расследования и разрешения некоторых уголовных дел. «Буде кто учинит воровство мошенничество ценою выше дватцати рублей или в четвертый раз, того иматъ под стражу и отослать к суду, где поступать с ним, как законы повелевают. Буде же кто учинит воровство мошенничество ценою ниже дватцати рублей, того иматъ под стражу и отослать в рабочий дом, где ему работать дондеже заплатит то, что смошенничал тому, чье было» [13, с. 382].

Основной обязанностью прокуратуры было не поддержание обвинения, а надзор за соблюдением закона, государственных интересов, пресечение волокиты в деятельности учреждений и организаций, при которых они состояли на службе. Государственными обвинителями в некотором роде являлись губернские и уездные стряпчие, которые выполняли роль истцов в суде по делам о преступлениях против государства, общественного порядка и власти. «Верхних судов стряпчих должность есть производить жалобу, не смотря на лица, яко истцу, стряпчому казенных дел, по казенным делам и делам нарушающим общий порядок, или противным власти и должности; стряпчей же уголовных дел производит жалобу, яко истец по уголовным винам и преступлениям законы нарушающим, всякий раз там, где истца нет, но доказательства имеет» [13, с. 289]. При оправдании ответчика стряпчий обязан был под угрозой потери места работы сам искать себе оправдание и предоставить ответчику доносителя.

После судебной реформы 1864 г. в России прокуратура и институт следствия были включены в судебное ведомство. При этом власть судебная (производство предварительного следствия) была отделена от власти административной (производство дознания). Содержание категории «обвинение» в процессе того времени по-прежнему не раскрывалось, а употреблялось наряду с понятиями «уголовное преследование», «судебное преследование», «обличение». И.Я. Фойницкий, например, отождествлял обвинение и уголовное преследование [3, с. 35; 15, с. 3–7]. Участники процесса – подозреваемый и обвиняемый – также не имели самостоятельного определения. «По русскому уголовному процессу обвиняемого можно было охарактеризовать как лицо, подозреваемое в совершении преступного деяния, представляя перед судом по обвинению в нарушении норм уголовного права (ст. 46, 121, 265,

510, 519, 548 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС))» [7, с. 35]. Об обвинении того времени как функции процесса можно говорить в большей степени лишь в связи с прокуратурой, которая была преобразована по французскому образцу [8, с. 769]. В ходе следствия прокурор обладал правом уголовного преследования, в судебном разбирательстве он поддерживал государственное обвинение на правах стороны в процессе, причем сторонам гарантировалось равенство их прав (ст. 2, 4, 630 УУС) [9, с. 120, 181]. Именно прокурор формулировал по итогам предоставленных ему материалов предварительного расследования обвинительный акт, что можно считать отправной точкой обвинения. Представляется, что обвинения как четко выраженной функции, направленной на доказывание вины исключительно одного лица, на стадии предварительного следствия в то время в полной мере не выделяли. Так как следователь был обязан собирать доказательства и обвинительные, и оправдательные (ст. 265 УУС), какого-либо материального акта обвинения (заклучения), равно как и механизма привлечения в качестве обвиняемого, не предусматривалось [9, с. 146]. Тем не менее проявления уголовного иска мы находим в таких процессуальных документах, как повестка и постановление о взятии под стражу, где указывалось «дело, по которому призывается требуемое лицо» и «преступление, в котором задержанный обвиняется или подозревается». На формирование института обвинения указывает и название главы УУС – «О представлении обвиняемого к следствию и допросе его», когда обвиняемый в обязательном порядке по повестке следователя должен был явиться к следователю на допрос. Закон содержал норму, обязывавшую следователя в ходе допроса объявить обвиняемому существо обвинения, но какое-либо пояснение относительно процедуры данного действия отсутствовало, изменение в состоянии прав и обязанностей лица при этом также не происходило (ст. 379, 403, 430 УУС) [9, с. 158–163]. Дополняет это утверждение содержание ст. 536 УУС, указывающее на то, что суду может быть предано только лицо, привлеченное к делу [9, с. 172]. По уголовным делам, возбуждаемым не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежащим прекращению примирением, обличение обвиняемых перед судом предоставлялось исключительно частным обвинителям. Для сравнения, другие категории дел предусматривали возможность возбуждения уголовных дел по жалобе потерпевшего с передачей последующих функций по обвинению прокуратуре или совместное участие в обвинительной деятельности частных лиц и органов полиции (ст. 3, 4 УУС) [9, с. 120]. Суды в полной мере осуществляли функцию обвинения, когда приступали к разбирательству дел по непосредственно усмотренным ими преступным действиям, подлежащим преследованию независимо от жалоб частных лиц либо по сообщениям полицейских и других административных властей (п. 1, 2 ст. 42 УУС) [9, с. 124].

Октябрьская революция 1917 г. повлекла за собой значительные перемены в государственном и правовом устройстве, уголовно-процессуальное законодательство РСФСР того периода в полной мере применялось и на территории Беларуси. Обвинение не получило нового законодательного закрепления и в качестве самостоятельной функции органов уголовного преследования не выделялось, что проявилось в полномочиях мирового судьи расследовать уголовное дело и принимать по нему окончательное решение в качестве судебной инстанции, хотя ст. 3 декрета «О суде» от 24 ноября 1917 г. и закрепила право всех граждан, пользующихся гражданскими правами, выступать в роли обвинителей. Однако механизм выполнения данной функции в декрете отсутствовал [12]. С принятием декрета № 2 «О суде» от 3 марта 1918 г. и декрета № 3 «О суде» от 20 июля 1918 г. были созданы окружные народные суды. По делам, подсудным данным судам, предварительное следствие стало осуществляться следственной комиссией, избираемой Советами, формулировка обвинения содержалась в постановлении следственной комиссии о предании суду. Представителями стороны обвинения, как, впрочем, и защиты, выступающими на профессиональной основе, становятся коллегии, избираемые Советами. [1; 11, с. 39–41]. «Эти коллегии участвовали в заседаниях следственных комиссий при решении вопроса о предании суду, давали заключения о подсудности дел, формулировали обвинение. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 мая 1918 г. при революционном трибунале была учреждена Центральная коллегия обвинителей, состав которой избирался ВЦИКом. Центральная коллегия руководила деятельностью коллегий обвинителей при революционных трибуналах» [5, с. 15].

С развитием советской правоохранительной системы государственное (публичное) обвинение стала представлять образованная 26 июня 1922 г. Государственная прокуратура, в функции которой кроме поддержания обвинения в суде входило возбуждение уголовных дел, надзор за деятельностью следственных органов, руководство ходом расследования. Принятие уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 г. и БССР 1923 г. не дало понятия обвинения, однако в оборот было введено понятие «стороны», что само по себе свидетельствовало о стремлении законодателя к разделению уго-

ловно-процессуальных функций. На стадии предварительного расследования обязанность предъявить обвинение и составить обвинительное заключение по результатам расследования была возложена на следователя, порядок предъявления впервые был подробно регламентирован [4, с. 3]. Обвинение на стадии судебного разбирательства возлагалось на прокуратуру, которая, впрочем, не являлась единственным субъектом обвинения. Это право предоставлялось потерпевшему по некоторым, указанным в законе категориям дел, уполномоченным профсоюзам, инспекторам труда, представителям рабочей, крестьянской, технической, продовольственной, санитарной и иных инспекций по делам их ведения. По особому распоряжению суда в качестве обвинителей допускались и другие лица. При отказе прокурора от обвинения суд имел возможность продолжить производство по делу и принять решение по предъявленному обвинению.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. упоминал обвинение в связи с обязанностью следователя вынести мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении преступления, содержание данной категории по-прежнему не раскрывалось, не упоминались субъекты данной деятельности, понятие стороны отсутствовало. На стадии судебного разбирательства закон упоминал государственное обвинение, поддерживать которое был обязан прокурор. На теоретическом уровне обвинение как самостоятельная функция рассматривалась, касаясь стадии судебного разбирательства, где допускалась состязательность и равенство сторон обвинения и защиты [8, с. 42–50; 6, с. 5–28]. До судебного разбирательства осуществлялось предварительное расследование, процессом руководил, сочетая в себе различные функции – «обвинял» и «защищал» одновременно, орган, производивший расследование. Функция суда определялась как «рассмотрение уголовного дела», что наряду с задачей искоренения преступности снова придавало суду обвинительный уклон. Учитывая то, что обвинение предъявлялось «обвинителем-судьей», оно во многом теряло черты уголовного иска и приближало к выводу о виновности лица [10, с. 200]. Суд был уполномочен при отказе прокурора от обвинения разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а на стадии предания обвиняемого суду по своей инициативе направить дело для производства дополнительного расследования при необходимости изменения обвинения на более тяжкое.

УПК Республики Беларусь 1999 г. свидетельствует о стремлении законодателя к выделению самостоятельных процессуальных функций, определению их четких границ, временных рамок и субъектов осуществления. Обвинение наряду с теоретической конструкцией «уголовное преследование» получило свое законодательное закрепление, в нем выделены материальные и процессуальные составляющие, относящиеся соответственно к стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. Широкий перечень преступлений в законе отнесен к делам частного обвинения, обвинительную функцию по которым реализует лицо, пострадавшее от преступления, его представитель либо представитель юридического лица.

Можно сделать вывод о том, что обвинение с древних времен было импульсом развития других уголовно-процессуальных функций, определяющих развитие всего хода уголовного процесса. Оно во многом определяло формы уголовного процесса своей эпохи, являясь его важнейшим содержательным моментом. На заре становления отечественного уголовного процесса (первые княжества, Великое княжество Литовское) в обвинении преобладали частные начала, что объясняется слабостью государственных органов, неполным отделением уголовного процесса от процесса гражданского, преобладанием состязательной (исковой) формы процесса. С развитием государственности, особенно после вхождения Беларуси в состав Российской империи, усиливается публичная составляющая обвинения, процесс приобретает розыскные черты. Как результат, обвинение становится основой всего процесса, пронизывает все его стадии и затмевает собой функции защиты и разрешения дела. Влияние французской модели судопроизводства привело к образованию специализированного органа обвинения в лице прокуратуры, который, осуществляя надзорные функции, с течением времени лишил стадию предварительного расследования какой-либо независимости, придав ей явный обвинительный уклон. Уголовный процесс советского государства в целом воспринял такую модель, при этом отсутствовало четкое определение функций, что привело к их смешению в лице одних и тех же государственных органов. Постановка задач судопроизводства в духе «охраны революции» и «борьбы с преступностью» с учетом слабости защиты вывело государственное обвинение на первый план. На современном этапе построения демократического правового государства процесс судопроизводства, впитавший в себя идеи уважения прав и свобод личности, эволюционирует, все более приобретая состязательные черты. Главная задача в развитии института обвинения видится в нахождении точки

равновесия (баланса) между обеспечением прав личности и возможностью эффективно противодействовать преступности.

Библиографические ссылки

1. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // КонсультантПлюс : Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2006.
2. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // КонсультантПлюс : Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2006.
3. Деришев, Ю. Предварительное следствие: исследование или преследование / Ю. Деришев // Рос. юстиция. 2002. № 10.
4. Картохина, О.А. Следствие: вчера, сегодня, завтра / О.А. Картохина // Рос. следователь. 2005. № 1.
5. Кокоринова, Т.А. Прокурор в уголовном процессе: теоретико-правовые и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.А. Кокоринова. Минск, 2004.
6. Мотовиловкер, Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я.О. Мотовиловкер. Ярославль, 1976.
7. Нажимов, В.П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В.П. Нажимов. Калининград, 1977.
8. Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. М. : Наука, 1971.
9. Селиверстов, Т.А. Судебная власть и прокурорский надзор России в конце XIX начале XX в. : (уголовно-процессуальный аспект) / Т.А. Селиверстов // История государства и права. 2004. № 2.
10. Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. СПб. : Наука, Альфа, 2000.
11. Смыкалкин, А. Создание советской судебной системы / А.Смыкалкин // Рос. юстиция. 2002. № 2.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А.С. Шас. Мінск : Беларусь, 2002.
13. Устав благочиния или полицейский 1782 г. // Российское законодательство 10–20 веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1987. Т. 5.
14. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство 10–20 веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8.
15. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. СПб. : Альфа, 1910. Т. 2.
16. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А.Чельцов-Бебутов. СПб. : Равена, Альфа, 1995.
17. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я.А. Юхо. Мінск : Унів., 1992.

Н.Ф. Ковкель, доцент кафедры теории и истории права БГЭУ, кандидат юридических наук

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА И ОШИБКИ ЛЕГАЛЬНОГО ДЕФИНИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ

С позиций современной формальной логики формулируются правила легального дефинирования правовых понятий, а именно: правило соразмерности определяемой и определяющей частей легальной дефиниции, правило согласованности легальных дефиниций, определенности их сферы действия, правила запрета тавтологии, запрета непосредственного и опосредованного круга в определении, неотрицательности и ясности. Анализируются типичные ошибки, возникающие при нарушении данных правил: ошибки слишком широкого, слишком узкого дефинирования и перекрещивания, необоснованного расширения и сужения сферы действия легальной дефиниции, тавтологии, непосредственного и опосредованного круга в определении; отрицания и неясности. Применение логических правил и ошибки легального дефинирования демонстрируются на примерах из законодательства Республики Беларусь.

Знание правил легального дефинирования правовых понятий и типичных ошибок данного процесса является необходимым условием высокого уровня нормотворчества. К сожалению, приходится констатировать наличие большого количества логических ошибок в дефинициях нормативных правовых актов Республики Беларусь. Они обусловлены недостаточной исследованностью проблем легального дефинирования в белорусской и российской юриспруденции. По настоящее время отсутствуют монографические и диссертационные исследования обозначенной проблематики, хотя отдельные ее аспекты подвергались изучению. Так, анализ российской дореволюционной литературы показывает, что легальные дефиниции были выделены в качестве самостоятельного объекта научного исследования, а вопросы их значимости, классификации, а также необходимости, пределов и некоторых способов легального дефинирования исследовались в работах Е.В. Васьковского [3, с. 79–82], И.А. Ильина [10, с. 170–172], В.Д. Каткова [11, с. 119–121], П.И. Люблинского [16, с. 86–89], А.И. Новикова [21, с. 53–61] и др.